

HELENA POCIECHINA

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6015-2055>

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

**ПИСЬМА КОНСТАНТИНА ГОЛУБОВА
Н. П. ОГАРЕВУ: ПОПЫТКА
ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

**Letters from Konstantin Golubov to Nikolay Ogarev:
an attempt of linguostylistic analysis**

Ключевые слова: Славянская типография в Иоганнисбурге, русские революционные демократы, лингвостилистика, язык старообрядческой публистики XIX в.

KEYWORDS: Slavic Press in Johannisburg, Russian revolutionary democrats, linguo-stylistics, the language of journalistic Old Believers texts in the 19th century

ABSTRACT: This article is part of a general study of the book collection of the former Fedoseevsky Holy Trinity and Saviour Monastery, located in Voinovo (currently Poland, formerly East Prussia). The author of the article presents a description of the content and style characterization of the open letters addressed from the Old-Believers publisher and writer Konstantin Golubov to a collaborator of the printing house Free Russian Press in London, the famous Russian poet, historian and political activist N. P. Ogarev. The letters were published in the third book of the religious-philosophical journal "Truth" (1868), which was published by Golubov in his own Slavic Press in Johannisburg (currently Pisz).

1. Введение

В данной статье будет представлен фрагмент анализа произведений русского религиозного философа и общественного деятеля Константина Ефимовича Голубова (1842–1889). Как публицист Голубов был довольно широко известен в России в 60-х–80-х гг. XIX в., прежде всего благодаря Н. И. Субботину, который написал о нем в своей пространной статье «Русская старообрядская литература за границей», опубликованной в двух книгах 76-го тома «Русского вестника» (Субботин 1868). Эта статья произвела настолько сильное впечатление на Ф. М. Достоевского (в том же году «Русский вестник» печатал его роман «Идиот»), что он в течение определенного времени всерьез планировал сделать Голубова героем своего очередного романа «Бесы». 11/23 декабря 1868 г.

из Флоренции он написал А. Н. Майкову: «А знаете ли, кто новые русские люди? Вот тот мужик, бывший раскольник, при Павле Пруссом, о котором напечатана статья с выписками в июньском¹ номере Русского Вестника. Это не тип грядущего русского человека, но конечно один из грядущих русских людей» (Достоевский 1930, 149). «В черновых набросках «Бесов» Ставрогин встречается с Голубевым и подпадает под его влияние, т.-е. ему отводится та роль, которая позже была дана Достоевским Тихону Задонскому (Клевенский 1941, 456; Буданова 1990, 694-702).

Голубов (в России известный как Голубев) родился в 1842 г. на территории современной Латвии, неподалеку от Резекне, в регионе компактного поселения старообрядцев. Родители Голубова принадлежали к федосеевскому согласию, а значит не состояли в официальном браке и вскоре после рождения сына расстались. В подростковом возрасте Голубов, оказавшись вместе с матерью в Восточной Пруссии, был отдан на воспитание в Войновский мужской монастырь Живоначальной Троицы, где игуменом был Петр Иванович Леднев (будущий архимандрит Павел, прозванный Прусским). Поначалу Голубов пребывал в монастыре в качестве воспитанника, а затем поступил учеником в типографию к поляку Антонию Алоизию Гонсеровскому в Иоганнисбурге (ныне Пиш). Отказавшись под влиянием о. Павла от федосеевских взглядов на брак, в 1863 г. Голубов женился и выкупил у Гонсеровского типографию, что отражено в выходных данных изданных им книг. В 1867-1868 гг. уже в собственной типографии Голубов начал печатать журнал «Истина», где публиковал главным образом свои религиозно-философские сочинения. Издание продолжало выходить и после переезда Голубова в 1868 г. в Россию. Не получив позволения остаться в Москве после воссоединения в 1868 г. с официальной церковью, он перевез свою семью вместе с имуществом в Псков, где заново открыл типографию, а в марте 1870 г. был рукоположен во священники. До 1887 г. в Славянской типографии в Пскове священник Голубов издавал журнал «Истина» и «литературно-археологическое и культурно-промышленное издание» «Псковскую газету», а также рассыпал свои издания по всей России, поддерживая деятельность Русской православной церкви в борьбе с расколом.

Предметом исследования послужили тексты открытых писем Голубова Н. П. Огареву, опубликованные в третьей книге журнала «Истина» в 1868 г. Сканы Иоганнисбургских изданий журнала доступны в Интернете на портале Варминско-Мазурской цифровой библиотеки по адресу: <http://wmvc.olsztyn.pl/dlibra/docmetadata?id=1390>. Для удобства фрагменты исследуемых текстов даются гражданским шрифтом вместо церковнославянского с сохранением оригинальной орфографии и пунктуации Голубова.

¹ Это неверно, статья Субботина была опубликована в июльском и августовском выпусках.

2. Отражение личности Голубева в его письмах Огареву

2.1. Теоретическая основа исследования

Феноменальный характер текстов Константина Голубева и их автора предполагает возможность использования в качестве теоретической основы исследования теории языковой личности. Исследования подобного типа в настоящее время представляют одно из ключевых направлений в современной российской лингвистике. Термин *языковая личность* имеет интегративный», «синтезирующий» характер, благодаря чему широко используется в междисциплинарных исследованиях в области психолингвистики, лингводидактики, стилистики художественной речи и др. (Иванцова 2010, 24). В 80-х гг. прошлого века лингвистический аспект представления о личности носителя языка был терминологически оформлен в работах Г. И. Богина и Ю. В. Карапулова (Богин 1980, 1982; Карапулов 1987, 1989). По Карапулову, описание языковой личности представляет собой структуру, которую целесообразно изучать на трех уровнях: 1) вербально-семантическом, предполагающем описание формальных средств выражения определенных значений в текстах; 2) когнитивном, отражающем понятия и идеи (концепты), составляющие индивидуальную «картину мира», которая включает в том числе некую иерархию ценностей как элемент мировоззрения личности, и под.; 3) практическом (у Карапулова – pragmatischem), где отражаются замыслы, интересы, цели и мотивы действий личности и под. (Карапулов 1989, 3-5). Изучение текстов Голубова можно было бы проводить также в рамках критической теории дискурса (Wodak/ Krzyżanowski 2011; 2015), поскольку они имеют ярко выраженный социально-философский характер и в сильной степени идеологизированы.

2.2. Исторический контекст исследования

В 1862-1865 гг. сотрудник основанной Герценом и Огаревым Вольной русской типографии в Лондоне Василий Иванович Кельсиев занимался активной революционной пропагандой среди старообрядцев, проживавших за границей. Кельсиев проповедовал необходимость социального переустройства общества, распространяя издания Вольной русской типографии, проводя устную агитацию, организуя просветительскую работу среди юношества. Кельсиев пытался при помощи старообрядцев сначала в Восточной Пруссии, а затем в Добрудже (в то время находившейся в пределах Османской империи) организовать типографию для печатания агитационной литературы,

при помощи которой им бы удалось «производить волнение в массах» и расширить революционную сеть общества «Земля и воля» (1861-1864 гг.) за счет старообрядческих общин (Чащина 1985, 693-694).

Издатели «Колокола» надеялись на то, что старообрядцы, находившиеся в конфликте с официальной церковью и преследуемые властями, присоединятся к революционным демократам в их борьбе с царскими властями. Кельсиев в своей т.н. «Исповеди» написал о том, что именно он обратил внимание Герцена и Огарева на «раскольников», поскольку, занимаясь сбором правительственныеых материалов о расколе (Кельсиев 1860-1862), глубоко проникся их судьбой. В 1862 г. он на некоторое время покинул Лондон и нелегально с поддельными документами приехал в Россию, где в поисках контактов в старообрядческой среде пребывал в течение нескольких месяцев в Москве и в Петербурге, познакомившись там среди прочих с Павлом Прусским (Кельсиев 1941, 309-332; Iwaniec 2001, 37-78). Выехав из России, Кельсиев провел три дня в Пруссии, в монастыре Живоначальной Троицы в Войнове, поскольку обещал о. Павлу навестить его. По словам Кельсиева, встреча была плодотворной для обеих сторон. Павел Прусский обещал присыпать ему в Лондон старообрядческие материалы, дал с собой рукопись «Поморских ответов» для печатания: «Надо же знать, на чем другие основываются и из-за чего церковь христова разбита на расколы и ереси» (Кельсиев 1941, 334). На тех же страницах «Исповеди» Кельсиев оставил информацию об основанной о. Павлом Иоганнисбургской (Янсбургской) типографии. Обнаружив, что насельники монастыря «переплетничают», он далее пояснил: «Переплетное заведение в монастыре вызвано монастырской типографией в Янсбурге, которую заведует молодой ученик Павла, Константин Константинов Голубов². Павел завел ее, кажется, в 1859 г. на остатки от подаяний, получаемых монастырем. Количество шрифта не велико, и он печатает им небольшие сочинения собственного пера, святцы, азбуки, а последнее время завел даже газетку; к несчастию, слог его крайне тяжел и напыщен, так что понять даже трудно, о чем у него идет дело» (Кельсиев 1941, 333). На современном этапе исследования нельзя утверждать с полной уверенностью, но можно предположить, что на самом деле сочинения «собственного пера» в газете «Истина» принадлежали Константину Голубову.

Стремление Кельсиева установить связи между Лондонским центром и лидерами старообрядческих общин в России и за границей осуществилось неожиданным для него самого образом, когда сам Кельсиев уже потерял к старообрядцам всяческий интерес и вернулся в Россию с повинной. Вовлеченный им в старообрядческий вопрос Огарев попытался поначалу наладить переписку непосредственно с Павлом Прусским, однако тот отказался,

² Ошибка: отчество Голубова – Ефимович.

сославшись на свое «невежество»: «Извини меня, честный муж, и не огорчись на мои слова – я не вас зазираю, но себя сужу недостаточного к вашей переписке: часом что неследующее напишу и будет после стыдно», «меня из ученых и в Питере кое-кто завлекали в беседу, но я отскочил» (Рындзюнский 1956, 135). Другие письма, представленные П. Г. Рындзюнским в публикации 1956 г., атрибутируются Павлу Прусскому на основании косвенных данных, и следовало бы предположить, что о. Павел переложил обязанности общения с революционерами на своего молодого и более образованного воспитанника. Из цитируемого выше письма о. Павлу (от 4 марта 1863 г.) можно узнать также о том, что Огарев высылает в монастырь письма и газеты (прежде всего, «Общее вече»), и, вероятно, довольно регулярно: «Ваши листочки все у меня соблюдаются», – сообщает о. Павел, и что корреспонденция доставляется в монастырь по почте (там же, 134).

Идея издания собственного «толстого» общественно-религиозного журнала, по всей видимости, появилась у Голубова под влиянием публикаций Огарева, излагавшего свою точку зрения на место и роль «русского социализма» в общественной жизни России и Европы. Несмотря на то, что в записях Кельсиева (о событиях 1862 г.) содержится информация о заведенной о. Павлом газетке, первый номер газеты «Истина», которую Эугениуш Иванец называет «малой» в отличие от «большой», т.е. журнала, вышел в январе 1863 г. (Iwaniec 2001, 90), тогда как «Общее вече» (приложение к «Колоколу») стало выходить с 15 июля 1862 г. Голубовский листок «Истина» и «Общее вече» имели сходный формат и объем (в восемь полос), верстку в две колонки, а публиковавшиеся в них тексты предназначались одной и той же аудитории. «Общее вече» просуществовало недолго: с 15 июля 1862 года по 15 июля 1864 вышло 29 номеров. Малая «Истина» Голубова выходила «в неопределенное время», т.е. нерегулярно: в январе и июле 1863 г., в апреле 1864 г., марте 1865 и в декабре 1866 г. Затем, в 1867-1868 гг., в типографии Голубова в Иоганнисбурге было издано также 4 книги «большой» «Истины».

2.3. Общая характеристика материала исследования

В третьей книге «Истины» (1868 г.) Голубов за подписью «Мужик» опубликовал шесть открытых писем. Четыре из них адресованы Огареву, одно «Нашему старо-знакомому путешественнику» (по всей вероятности, Кельсиеву, ср. Iwaniec 2001, 172; опубликовано не полностью) и одно «Дарвинисту» (адресат не определен, автор указал, что это бывший старообрядец). Письма Огареву датированы 1 июня, 12 июля, 15 августа 1866 г. и 14 сентября 1867 г. и идеино-тематически связаны с опубликованными уже после закрытия «Общего вече» в женевских номерах «Колокола» примерно в то же время открытыми

письмами Огарева: 1 января, 15 марта и 15 мая 1866 г., 15 марта, 15 апреля и 1 мая 1867 г. (Огарев 1866-67). Несмотря на то что адресат открытых писем Огарева, названных «Частными письмами об общем вопросе», в «Колоколе» не указан, ясно, что автор полемизирует с Константином Голубовым, – хотя бы потому, что свои открытые письма («письмы»), в том числе Огареву, Голубов опубликовал в рубрике под тем же названием.

Следовало бы отметить, что между сторонами существует значительная разница в возрасте: в 1866 г. Голубову 24 года, тогда как Огареву 53.

Перед тем как перейти непосредственно к характеристикике лингвостилистических особенностей текстов Голубова, необходимо в общих чертах сказать о том, каково их содержание, поскольку письма-ответы Голубова следует рассматривать не только в контексте писем-статьей Огарева, но и принимая во внимание цель создания последних. В своих «Письмах» Огарев критиковал идеи утопического социализма, от Бабефа до Прудона, планируя затем перейти к изложению собственной теории «русского социализма», чему не было дано осуществиться по причине прекращения издания «Колокола» на русском языке в 1867 г. (Черняк 1953, 563). Голубов, во многом не соглашаясь с Огаревым, активно включился в полемику, которая продолжалась еще два года на страницах Иоганнисбургской, т.е. «прусской» «Истины» и была перенесена на российские просторы, поскольку первые четыре книги журнала, напечатанные в Пруссии, Голубов переиздал в 1871 г. в Пскове. Далее в тексте примеры и выдержки из текстов «писем» Голубова будут сопровождаться указанием порядкового номера письма римской цифрой и номером листа арабской.

Согласно плану описания структуры языковой личности, исследование должно содержать анализ замыслов, интересов, целей и мотивов действий личности, репрезентируемых в ее высказываниях. Константин Голубов, родившийся и воспитанный в среде старообрядцев-беспоповцев федосеевского толка, находившихся в постоянных прениях с официальной церковью и другими старообрядческими толками, ребенком утративший семью, направил свои усилия на просвещение «раздорников» (наименования старообрядцев раскольниками Голубов избегал, ср.: Истина 2, 33) с целью вернуть их в лоно настоящей православной церкви и доказать им, что жизнь человека вне семьи лишена смысла.

В первом письме Огареву на 8 страницах Голубов рассуждает о свободе и несвободе человека, связанного частнособственническими отношениями владения, о противоречии между равенством и свободой при общем владении, о причинах злонравия. Свои рассуждения он основывает на посылке Огарева о детском, юношеском и зрелом периодах восприятия мира, которые соответствуют трем путям поиска достоверности в понимании жизни: религиозному, отвлеченному и положительному (т.е. реалистическому – Н. Р.).

Во втором письме (12 стр.) в дальнейших рассуждениях о теории и практике нравственности затрагиваются вопросы брака и семьи, равенства мужчины и женщины в перспективе свободы и несвободы человека в обществе. В третьем письме на 17 страницах Голубов предлагает Огареву собственную трактовку русского народного социализма, основанного на церковном образовании и православной нравственности. Четвертое письмо, наиболее пространное (33 страницы вместе с обширными цитатами из Библии), посвящено вопросам отношения церкви и государства – тому, что Голубев декларирует как свою позицию на титульном листе «Истины». «Мы стоим за Церковь и Государство», – повторяет он в каждой очередной книге своего журнала. Таким образом, объем исследовательского материала составляет примерно 50 страниц текста философского содержания.

Общественная позиция Голубова сформировалась не только на основании Священного Писания, творений Святых Отцов Церкви и старообрядческой церковной литературы вообще, но и на основании публикаций революционных демократов. В своей полемике с Огаревым он не раз упоминает «пустяшные» (с точки зрения православного человека, т.е. его самого), не основанные на «положительно-данных» теории Монжа, Кондорсе, Роберта Оуэна, Фурье, «равно как» Робеспьера, Бабёфа, Канта и Прудона (Письмо второе, 34 об.). Тем не менее Огарев пишет Голубову: «В своем третьем письме и я сознаюсь, что пишу къ вамъ о Бабефѣ не безъ волненія – такъ люди и идеалы французской революціи, на которой мы всѣ выросли и воспитались, еще памятны, близки, родственны. Я говорю мы всѣ, потому что сколько въ себѣ встрѣчу нестерпѣыхъ слѣдовъ того времени, столько-же и въ вашихъ молодыхъ стремленияхъ нахожу изъ него усвоенныхыхъ, отчасти переобразованныхъ, но все тѣхъ же убѣжденій» (Огарев 1866-67, 592).

2.4. Вербально-семантический аспект изучения личности Голубова

Анализ стилистических особенностей старообрядческих публицистических текстов дает довольно неоднозначные результаты, прежде всего потому, что сам материал крайне сложен для исследователя, а общепринятой методики его изучения не существует. Уже на начальном этапе функционально-стилистического анализа от исследователя требуется отделение отдельных стилистических пластов, которые, к тому же, различаются также с точки зрения истории языка. Только после этого можно было бы перейти к изучению формальных средств выражения характерных для таких текстов значений. При этом нельзя не обратить внимания на формальные и семантические различия в языке и стиле между авторскими фрагментами текстов и значительным количеством аллюзий, цитат и реминисценций из Священного

Писания, творений Святых Отцов Церкви, дониконовских богослужебных текстов и др. Актуальность лингвостилистического анализа старообрядческих публицистических текстов подтверждается тем, что в известной исследователям ситуации бытования в старообрядческой среде анонимных произведений, опубликованных в подпольных типографиях с ложными выходными данными, именно такой анализ может служить относительно надежным инструментом атрибуции произведений с точки зрения времени, локализации и предполагаемого авторства.

В текстах писем Голубова Огареву выделяются такие стилистические пласти, как церковнославянский, русский разговорно-просторечный и диалектный (в текстах проявляются черты, характерные для западной группы южнорусских говоров). Все эти пласти в функциональном отношении следует определить как подчиненные общей идейной направленности писем, определяемой стилистикой и жанровыми особенностями публицистической аналитики, активно развивавшейся во второй половине XIX в. в условиях формировавшегося публицистического стиля русского литературного языка. В целом в текстах Голубова наблюдается интерференция всех языковых пластов как на уровне фонетики и графики, так и на морфемном уровне (в области словоизменения и словообразования), на уровне лексики и фразеологии и, естественно, на уровне синтаксиса, а также текста и дискурса в целом (Pociechina 2018; 2019a; 2019b).

2.4.1. Графика и орфография

Иоганнисбургская «Истина», как и прочие старообрядческие издания, печаталась церковнославянским шрифтом. Гражданский шрифт Голубов стал использовать в своей типографии только после переезда в Россию, хотя и в Пскове он перепечатал первые четыре книги церковнославянским шрифтом, используя в наборе практически весь репертуар прописных и строчных букв, а также просодических знаков, известных из старопечатных текстов, включая большое количество дублетов, например, для обозначения гласной о: о (узкое), Ɱ (широкое), ω (омега узкая), ω (омега широкая) (ср.: Pociechina 2018; 2019). Графическую интерференцию иллюстрирует использование ударений в транслитерации новых заимствований: *тесօреистицкій* (с омегой широкой и с!), *матерільнағш, ғацісональныа*. При верстке писем Голубов не использует пярков и знаков препинания вообще, перенос слова на следующую строку, за редким исключением, производится после гласной перед следующей согласной. Голубов использует при наборе букву ё: *ребёнок, Бабёф, сведёмте*, однако сохраняет написания суффиксов причастий с е согласно церковнославянской книжной традиции. В тексте писем нет сокращенных

написаний, отдельные слова по титлом встречаются только в обозначениях контекстных ссылок на книги Священного Писания и в цитатах из него.

Среди новых орфографических норм внимание на себя обращает реализация написаний одного или двух -н- в суффиксах прилагательных и причастий: *нравственность* и *нравственность*, *жизнено-материальный*, *умственно-идеальный*, *неограниченность*, *совершено* и *несовершенной*, *существенным* и *смешанным*, *отвлеченный* и *божественный* и под.

Отсутствие мягкого знака в некоторых словах, например: *толко*, *мелчайши*, *доказательство*, *галванический*, *возмите* и пр. можно рассматривать как проявление интерференции литературного и диалектного произношения (Потехина 2019). Так же непоследовательно реализуются написания *и/ы* после *иц*. В качестве иллюстрации можно привести следующую фразу из рассуждения на тему частной собственности, где признать подчиняющимся определенному правилу можно только второе написание (ибмёющіі): *Угранічати им'юцихъ мяло им'юций многш, и іконы соітодніеми стаісніати иицихъ* (I, 30).

Несомненно, к ошибкам следует отнести такие написания, как *Штадты* (Соединенные Штаты Америки) или *-о-* в корне *-раст-*: *возростать*, но *возраст*.

2.4.2. Лексика и словообразование

Употребление книжных слов (высокого стиля), каковыми являются церковнославянизмы, является характерной чертой русской публицистики и книжных вариантов русского языка вообще. Особое место среди церковнославянизмов занимают композиты, которые Голубов не только активно употребляет, но и сам создает.

К числу характерных для Голубова следует отнести такие сложные слова, как *правоверие* и *самостеснение*. Именно потому, что понятия, которые он обозначает данными словами, являются для него ключевыми, они встречаются также в письмах Огареву.

В понятие *правоверия* Голубов включает собственные представления о православии, причем ни самого существительного православие, ни его производных он не употребляет. Ни в одном из словарей русского языка правоверие не соотносится с православием, а если уж с религией, то скорее с исламом, а не с христианством. Следует предположить церковнославянский генезис данного понятия в мировоззрении Голубова: в «Старославянском словаре» *приковѣніе* обозначается как ‘истинная вера, правоверие’ (Цейтлин, Вечерка, Благова 1999, 495). Однако словарь церковнославянского языка протоиерея Г. Дьяченко дает наречие *правоверно* в качестве синонима слова *благочестиво*, тогда как синонимом прилагательного *православный* являются слова *правоверующий*, *правомыслящий* (Дьяченко 1993, 473, 474). Вместе

с тем положительная коннотация обнаруживается в контекстах с существительным *правоверие* из Церковнославянского подкорпуса Национального корпуса русского языка: <http://processing.ruscorpora.ru/search.xml?lexm1=%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%B5&mode=orthlib&text=lexgramm>). Так и для Голубова *правоверие* – это не только ключевое слово, но главным образом оценочное понятие, определяющее положительно настоящую веру в отличие от «религий» (прочих религий и христианских конфессий), ср.: «западная бессознательная религии и суеверия».

В письмах к Огареву Голубов, говоря о нравственности, обращается к своему ключевому понятию *самостеснение* ‘самоограничение,держанность’, так же аксиологически коннотированному, напр.: «самостеснительное свободное воздержание», он противопоставляет «разнужданности пристрастий» (читай: либерализму) (III, 40), для него человечество на западе не дышит никаким «взаимно-любовным нравственным самостеснением» (III, 40 об.).

Голубов создает собственные дериваты, соединяя в церковнославянских словообразовательных моделях корни и аффиксы по своему разумению: *произрастение* ‘растение’ и *растение* ‘рост’, *обчищать* (лит.: очищать), *сприсущия* ‘присущие’. Он творчески подходит также к интернационализмам: ср: *теория > теорестический > теорист(ы)*.

К семантическим диалектизмам следует отнести такие употребленные в письмах слова, как *жерло* значении ‘источник’ (*Потеря взаимной любви есть жерло зла всемирного* (I, 31 об.)), ср.: бел. *жаало*, укр. *джерело*, или *думный* – ср.: мск. *думающий*, *думник*, пск. *человек задумчивый* (Даль I, 501), т.е. по-современному ‘умный, думающий, способный к рассуждению’.

Из приведенных примеров следует, что лексический состав «Писем» как публицистических произведений включает слова разных стилистических регистров: высокого, нейтрального и разговорного, а также авторские нэологизмы.

2.4.3. Общая стилистика корреспонденции

Общий стиль писем представляется характерным для участников корреспонденции в XIX в. Письмо представляло собой, с одной стороны, субститут непосредственного общения, выражая в письменной форме отношения, существовавшие между автором письма и адресатом, с другой стороны, подобно литературному произведению, должно было нести информацию как эпического, так и лирического характера. Таковы «Частные письма об общем вопросе» Голубова, которые, безусловно, относятся к публицистическому стилю.

Письма содержат стандартизованные зачины-обращения и концовки. Голубов, никогда не встречавшийся с Огаревым, по-видимому, основываясь на утверждении его о том, что «въ письмахъ позволяетъ быть искренно, личнѣе чѣмъ просто въ статьѣ» (Огарев 1866-67, 592), обращается к нему как к близкому знакомому, в обращениях использует такие эпитеты, как *любезный* (уже в словаре Ушакова сопровождающееся пометой устар.) (I, II), *многоуважаемый* (III) и – неожиданное – *сердечно-любимый* (IV).

Письма-статьи Голубова, изначально были предназначены для печати. Однако поскольку они имели своего адресата, в них содержатся элементы непосредственного общения, беседы, диалога: конструкции с местоимениями 1-го и 2-го лица и координированными с ними глаголами, напр., *прибавьте*, *посоветуйте*, *возьмите* и *найдите* и др., а также конструкции с формами глаголов в значении совместного действия: *приведёмте*, *сведёмте*, *давайте* *стараться* и под. Ср.: *Прошу не почесть мое молчание за охлаждение моей любви к вам, любезный Николай Платонович* (I, 29); *Скрепитесь терпением, выслушать* (т.е. прочитать – Н. Р.) замечательные выдержки из священного писания (IV, 53); Истинно говорю вам (цитата из Евангелия) (IV, 52 об.).

В концовках наблюдается интерференция стандартных и просторечных форм. Примеры даются с учетом порядка следования писем:

- 1) *Остаюсь с уважением к вам, Мужик;*
- 2) *Остаюсь с полным расположением на вас, Мужик;*
- 3) *Падаю на колени пред вами и умоляю вступить в разбирательство, вполне на вас расположенный, Мужик;*
- 4) *Повторяю, что я не сомнюсь в вас и продолжаю вас любить, Мужик.*

К просторечным следует отнести форму 1-го л. ед.ч. глагола *не сомнюсь*, которая соотносится, скорее всего, с инфинитивом несов. в. *сомневаться*, чем с сов.в. *усомниться* в контексте однородной формы несов.в. *продолжаю любить*; а также управление *на + В.п. кого? что?* при дериватах *расположение*, *расположенный* от глагола *расположить* / *расположиться* ‘вызывать симпатию’ / ‘чувствовать симпатию’ *к + Д.п. кому? чему?* (ср.: Даль IV, 69; МАС III, 654-655).

3. Заключение

Одной из исследовательских задач, связанных с изучением книжного наследия Войновского монастыря, является изучение и описание идиостиля произведений Константина Голубова, издателя, публициста, миссионера, наиболее значительной личности среди старообрядческих полемистов наряду с архимандритом Павлом (Прусским). Определение характерных особенностей текстов, написанных Голубовым, позволит определить степень его участия

в редакции неидентифицированных старообрядческих текстов, опубликованных Славянской типографией в Иоганнисбурге, например, в «Сборнике сочинений о браках разных ревностных мужей», или в изданиях Вольной русской типографии в Лондоне.

Вместе с тем нельзя упускать из виду другой аспект исследований, а именно: дискурсивный. Религиозно-философские воззрения Голубова, отвергавшего теории утопического социализма, неожиданным образом отражают как воззрения русских революционных демократов второй половины XIX в., так и гораздо более поздние взгляды на православие, русские представления о народности, соборности, богоизбранности русского народа и высоконравственной его сущности, возродившиеся в эпоху сталинизма, поддерживаемые современными старообрядцами и положенные в основу «российских скреп».

Библиография

- Богин, Г. И. (1980), Современная лингводидактика. Калинин. [Bogin, G. I. (1980), Sovremennaâ lingvodidaktika. Kalinin.]
- Богин, Г. И. (1982), Концепция языковой личности: Автографат диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук. Калинин. [Bogin, G. I. (1982), Koncepciaâ âzykovoj ličnosti: Avtoreferat dissertacii na soiskanie učenoj stepeni doktora filologičeskikh nauk. Kalinin.]
- Буданова, Н. Ф. (1990), Примечания. В: Ф. М. Достоевский, Собрание сочинений в пятнадцати томах. 7. «Бесы». Ленинград, 675-846. [Budanova, N. F. (1990), Primečaniâ. In: F. M. Dostoevskij, Sobranie sočinenij v pâtnadcati tomach. 7. «Besy». Leningrad, 675-846.]
- Буданова, Н. Ф. (2007), Павел Пруссий и его книга «Беседы о пришествии пророков Илии и Эноха, об антихристе и седминах Даниловых». В: Достоевский: Материалы и исследования. 18. Санкт-Петербург. 86-101. [Budanova, N. F. (2007), Pavel Prusskij i ego kniga «Besedy o prišestvii prorokov Ilii i Ēnoha, ob antihriste i sedminah Danilovyh». In: Dostoevskij: Materialy i issledovaniâ. 18. Sankt-Peterburg.]
- Даль, В. И. (1955), Толковый словарь живого великорусского языка. III. Москва. [Dal', V. I. (1955), Tolkovyj slovar' živogo velikorusskogo âzyka. III. Moskva.]
- Достоевский, Ф. М. (1930), Письма. В четырех томах. II. Письма 1867-1871 гг. Москва/Ленинград. Academia. [Dostoevskij, F. M. (1930), Pis'ma. V četyrekh tomah. II. Pis'ma 1867-1871 gg. Moskva/Leningrad. Academia.]
- Дьяченко, Г. (1993), Полный церковно-славянский словарь. Москва. [D'âchenko, G. (1993), Polnyj cerkovno-slavânskij slovar'. Moskva.]
- Иванцова, Е. В. (2010), О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования. В: Вестник Томского государственного университета. Серия Филология. 4(12), 24-32. [Ivançova, E. V. (2010), O terminie «âzykovaâ ličnost'»: istoki, problemy, perspektivy ispol'zovaniâ. In: Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriâ Filologîâ. 4(12), 24-32.]
- КАРАУЛОВ, Ю. Н. (1987), Русский язык и языковая личность. Москва. [Karaulov, Û. N. (1987), Russkij âzyk i âzykovaâ ličnost'. Moskva.]
- КАРАУЛОВ, Ю. Н. (1989), Русская языковая личность и задачи её изучения. В: Язык и личность. Москва. [Karaulov, Û. N. (1989), Russkaâ âzykovaâ ličnost' i zadači eë izučeniâ. In: Âzyk i ličnost'. Moskva.]
- КЛЕВЕНСКИЙ, М. М. (1941), Комментарии к «Исповеди» В. И. Кельсиева. В: Литературное наследство. 41-42, 442-482. [Klevenskij, M. M. (1941), Kommentarii k «Ispovedi» V. I. Kel'sieva. In: Literaturnoe nasledstvo. 41-42, 442-482.]

- Кельсиев, В. И. (1860-62), Сборник правительенных сведений о раскольниках, сост. В. Кельсиевым. Вып. 1-4. Лондон. [Kel'siev, V. I. (1860-62), *Sbornik pravitel'stvennyh svedenij o raskol'nikah*, sost. V. Kel'sievym. Vyp.1-4. London.]
- Кельсиев, В. И. (1941), «Исповедь». В: Литературное наследство. 41-42, 253-482. [Kel'siev, V. I. (1941), «*Ispoved'*» In: *Literaturnoe nasledstvo*. 41-42, 253-482.]
- Козьмин, Б. П. (1941), Из публицистического наследия Н. П. Огарева. Предисловие. В: Литературное наследство. 39/40, 289-316. [Koz'min, B. P. (1941), Iz publicisticheskogo naslediâ N. P. Ogareva. Predislovie. In: *Literaturnoe nasledstvo*. 39/40, 289-316.]
- ОГАРЕВ, Н. П. (1866-1867), Частные письма об общем вопросе. В: Колокол. Газета А. И. Герцена и Н. П. Огарева, Москва 1962. [Ogarev, N. P. (1866-1867), Častnye pis'ma ob obshem voprose. In: *Kolokol. Gazeta A. I. Gercena i N. P. Ogareva, Moskva* 1962.]
- ПОТЕХИНА, Е. А. (2019), Языковая личность Константина Ефимовича Голубова. В: Калиновская В. Н., Малышева И. А. (ред.), Славянская историческая лексикология и лексикография. 2. Санкт-Петербург, 242-255. [Potehina, E. A. (2019), Āzykovaâ ličnost' Konstantina Efimoviča Golubova. In: *Kalinovskaâ V. N., Malyševa I. A. (red.), Slavânskaâ istoričeskaâ leksikologijâ i leksikografiâ*. 2. Sankt-Peterburg, 242-255.]
- Рындзюнский, П. Г. (1956), Из переписки Огарева с Павлом Пруссским (П. И. Ледневым). В: Литературное наследство. 63, 130-139. [Ryndzûnskij, P. G. (1956), Iz perepiski Ogareva s Pavlom Prusskim (P. I. Lednevym). In: *Literaturnoe nasledstvo*. 63, 130-139.]
- Субботин, Н. И. (1868), Русская старообрядская литература за границей. В: Русский вестник. 76. I, 99-130. II, 325-353. [Subbotin, N. I. (1868), Russkaâ staroobrâdskaâ literatura za granicej. In: *Russkij vestnik*. 76. I, 99-130. II, 325-353.]
- Чащина, Н. Ф. (1985), Герцен и старообрядцы Юго-Восточной Европы: Письмо Герцена и Огарева к А. В. Никитину. В: Литературное наследство. 96, 693-698. [Čašina, N. F. (1985), Gercen i staroobrâdci Úgo-Vostočnoj Evropy: Pis'mo Gercena i Ogareva k A. V. Nikitinu. In: *Literaturnoe nasledstvo*. 96, 693-698.]
- ЧЕРНЯК, Я. З. (1953), Неизданные и несобранные произведения Огарева: Из публицистического наследия. В: Литературное наследство. 61, 523-658. [Černâk, A. Z. (1953), Neizdannye i nesobrannye proizvedeniâ Ogareva: Iz publicisticheskogo naslediâ. In: *Literaturnoe nasledstvo*. 61, 523-658.]
- ЦЕЙТЛИН, Р. М./ВЕЧЕРКА, Р./БЛАГОВА, Э. (ред.), Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков). 2-е изд., стереотипное. Москва. [Cejtlin, R. M./Večerka, R./Blagova, È. (red.), *Staroslavânskij slovar'* (po rukopisâm X-XI vekov. 2-e izd., stereotipnoe. Moskva.)
- IWANIEC, E. (2001), Droga Konstantyna Gołubowa od starowierstwa do prawosławia. Karty z dziejów duchowości rosyjskiej w drugiej połowie XIX wieku. Białystok, 2001.
- POCIECHINA, H. (2018) Язык старообрядческой публицистики XIX в.: попытка характеристики явления. W: *Przegląd Rusycystyczny*. 2(162), 174-189.
- POCIECHINA, H. (2019), Interferencja rosyjsko-cerkiewnosłowiańska w teksthach staroobrzeskich z XIX-XX wieku. W: *Przegląd Wschodnioeuropejski*. X/1, 373-388.
- WODAK, R./KRZYŻANOWSKI, M. (red.) (2011), Jakościowa analiza dyskursu w naukach społecznych. Przepiórkowska, D. (tłum). Warszawa.
- WODAK, R. (2015), Critical Discourse Analysis, Discourse-Historical Approach. In: The International Encyclopedia of Language and Social Interaction., 1st ed. Publisher: John Wiley & Sons, Inc. Editors: K. Tracy. General Editor: C. Ilie and T. Sandel (Associate Editors, pp. 14). In: https://www.researchgate.net/publication/280621881_Critical_Discourse_Analysis_Discourse-Historical_Approach.

